Левобережный парк отдыха металлургов... Он почти ровесник нашему городу. На этом месте десятки лет назад молодые первостроители вкопали несколько самодельных пальм. Рукотворные деревья скрежетали жестяной листвой во время ветра. Сейчас парк разросся, радует богатством зелени. У входа в парк стоит памятник «железному» наркому С. Орджоникидзе.

Фото Н. Нестеренко.

Литературная страница

Сегодня мы представляем вниманию читателей новые стихи членов литературного объединения «Магнит» И. Кононова, В. Гутникова, В. Николаева.

Игорь КОНОНОВ

Лучшие дни

Лучшие дни. Как они быстро
кончаются!
Лучшие дни. Тысячи лучших минут.
Бросить бы все и вернуться
в случайные
лучшие дни, что уже никогда
не придут.
Что ж я спешил, почему же не все
договоривал,
даже судьба на подсказки была
не щедра,

◆ **Из московского цикла**

лучшие дни растворялись, я их
разбазаривал
по пустякам. А теперь — ничего.
Нищета.

Все, что прошло, синим пламенем
в памяти выгорит,
и голова будет пухнуть от новых
идей.

Только зачем в подсознании стонет
и прыгает
самый последний мой
лучший и сумрачный день?

2 000 000

Ежедневно в Москве находятся 2 млн. приезжих.

Город, плененный двумя
миллионами.
Господи, что за такая напасть!
Улицы — улей. Как оживленно.
яблоку негде упасть.
Здесь Вавилонское столпотворение,
перемешались все языки.
Два миллиона штурмуют подземку,
одновременно достав пятаки.

Два миллиона бегут по столице,
два миллиона — в очередях,
город не может запомнить все лица,
город иссяк...

Как перегружены авиалинии,
как суетливы вокзалы Москвы!
Что вы успели, что вы увидели,
что почерпнули из вечной молвы?

Завтра, покинув огромнейший город,
не торопясь, оглянитесь назад.

Снова и снова два миллиона
едут, плывут, летят.

Прощание

Москва, Москва, Москва,
как я устал!
Мне надоело быть
твоим приезжим.
Москва, Москва, Москва,
все купола
уперлись в небо, но
уже не держат.
Монетку — вверх,
чтобы снова через год
опять, опять, опять
сюда вернуться
бежать, бежать, бежать
и не споткнуться
и не забыть, где выход
и где вход
в твой самый лучший метрополитен.

Мой самолет готовится на взлет.
Сейчас отъедет трап. Уже отъехал.
И все наоборот. И словно эхо.
Москва, Москва, Москва,
ну где же вход
в твой самый лучший метрополитен?

Вячеслав ГУТНИКОВ

* * *

Была война,
и вороны, крича,
на поле боя
радовались тленью,
а в это время
в лагерных печах
людей сжигали
просто, как поленья.

...Не дрогнут сами
вновь материки,
не будет вновь
Земля моя заклята,
и не взойдут
из сердца васильки
в семнадцать лет
убитого солдата,
пока гудят
земные города,
в которых мы
работаем, как пчелы.
Благословите,
люди, навсегда
огонь труда
и детский смех
веселый!

* * *

Блещет молния с эффектом,
гром раскашлялся, как дед.
Ни бульваров, ни проспектов
неумытых больше нет.

Развеселый дождик вышел,
грянул капель хоровод,
все прохожие — под крыши,
детвора — наоборот.
Размочивши бабьи сплетни,
что, мол, будет сухостой,
пляшет дождик,
дождик летний,
дождик летний золотой!

Хорошенькая шляпка

Тебе от ветра зябко,
надень, надень, надень
хорошенькую шляпку
отважно набекрень.
Пусть каблучки рифмуют
пожар и тротуар.
Кокетку озорную
полюбит, кто не стар.
Походкой легкой рея
по жизненным волнам,
как маленькая фея,
любовь приходит к нам.
Будь праздничной, игривой
для принца своего,
свершается на диво
простое волшебство.
Тебе не будет зябко,
любимая, со мной...
Хорошенькая шляпка
всему тому виной!

◆ ПРОЧТИТЕ ДЕТЯМ

Василий НИКОЛАЕВ

* * *

Доктора для детей — Айболиты,
Дети знают своих докторов.
Будут жалобы их не забыты,
Будет каждый ребенок здоров.

Есть у доктора доброе царство,
Вход болезням в него запрещен,
Доктор каждому выдаст лекарство,
Быстро вылечит каждого он.

С Айболитами дружат ребята,
Их в беде не оставят они...
Айболиты совсем, как солдаты,
Защищают нас в трудные дни.

НЕРЯХА

Я неряха-растеряха,
У меня с пятном рубаха,
У меня лежат игрушки
Под столом и на подушке.
У меня один носок
кот под койку уволок.
У меня в грязи ботинки
И ни в чем порядка нет,
В книжках вырваны картинки
Сломан мой велосипед.

Я неряха-растеряха,
Все смеются надо мной,
На меня глядят со страхом
И обходят стороной.
Я устал неряхой быть,
Не хочу так больше жить,
Навести порядок нужно
И во всем прилежным быть.
Скажут мне ребята дружно:
— Мы хотим с тобой дружить!

ЗАГАДКИ

Над осенними полями
Целый день: «Курлы! Курлы!»
Это кто летит над нами
Голуби, стрижи, орлы?
Клин за клином, клин за клином
От своей родной земли
В теплый край дорогой длинной
Улетают

(журавли)

* * *

К нам пришел жираф на стройку,
Выше дома во-от на столько!
Как наклонит голову —
Это просто здорово!
А поднимет снова —
Комната готова!
Поработать он не прочь
Целый день и даже ночь.
Не совру я, всем скажу
Строит в день по этажу.
Наш жираф, как великан,
Звать его

(подъемный кран)

Александр ЛОЗНЕВОЙ

„КРЕПОСТЬ МАГНИТНАЯ“

Главы из нового романа

(Продолжение. Начало в № 62—73)

— Так вот, — беря Порфирия за рукав, начала она. — Что у нас на столе будить? А будить допреж всего картошка на смальце, капуста, огурчики, вся, значит, первостепенна закуска. А из мясца, что старый с базару принес, — андрикоты. Потом ишшо бульба с селедцом по-белорусски, каша пшенная и опять же пироги с маком, то есть, значит, к чаепитию. Глазунья ишшо, как значит знакомая избстан цы яичков принесла. В обчем, может, чего и забыла, так ты подскажи, память у тебя свежее. Гости, они ить на свадьбе должны быть сыты и пьяны.

— Евменовна, хорошо бы винегрет... очень люблю.

— Будить. Все будить!

— Я к тому, чтоб на столе было всякое. А если, скажем, подкупить чего, так деньги пожалуйста.

— Придержи денежки, ты теперь человек семейный. Пригодятся. Впрочем, ежели винца красного, так отчего ж, вполне можно, потому как водка, она известно, не всякому... А касаемо блюдов — в полном довольстве!

— Спасибо, Евменовна... Простите, там, кажется, гости. Пойду, встречу.

— Беги, беги.

Первой пришла Галина и не одна — с подругой: на случай, если помочь надо. Порфирий представил их Евменовне и та сразу определила девчат к делу: перво-наперво картошку почистить. В комнатке тесно и гости, прихватив все, что надо, расселись в коридоре.

Вскоре появился Антонио, поздоровался с Галиной, которую хорошо знал, повернулся к ее подруге, снял кепку и, слегка склонив голову, представился:

— Бригадир каменщиков — Ригони!

Тоненькая аккуратная девчушка с чуть подкрашенными губами немного застеснялась и еле слышно произнесла:

— Валя.

—Перфаворе, садитесь. — Присел рядом, стал ей помогать.

Не заставили себя ждать черноокая Варя и беленькая, будто льняная, Тося — подруги невесты. Вместе с ними, а точнее с Тосей, пришел Аполлон Ведерников. Варя первой подошла к жениху с поздравлением — пожала ему руку и сказала:

— Вот потанцуем! Назло невесте приглашу.

— А не лучше ли без всякого зла? — улыбнулся Порфирий.

— Шучу я. Такой ревнивый...

— Слухай, тебя, кажись, Варькой кличут? — подошла Евменовна. — Так вот, девонька, столы накрывать пора. Вилки, ложки на место, стаканчики с хреном не забудь, уксус, что к пельменям. Нашла Евменовна работу и Тосе и даже Аполлону.

Смеркалось. С горы Магнитной донеслись мощные взрывы. Свистки электровозов. Глухо гудела стройка. Работа не прекращалась и ночью.

— Тпр-р-р-у-у! — неожиданно послышалось под окном.

Антонио припал к шибе:

— Родион лошадь пригнал.

Было решено привезти невесту по уральскому обычаю — в кошевке. Да и как можно пешком! От Карадырской до пятого участка не близко, каблучки поломает.

Порфирий тут же забрался в кошевку: гони!

К дому невесты подъехали, когда совсем стемнело. Оставив Родиона с лошадью за углом, Порфирий с волнением подошел к давно знакомому окну: вроде все нормально, а вот забилось сердце. Как и условились, он тихо свистнул. Подождал немного и еще раз. На свист никто не откликнулся. Уж не случилось ли чего? Поднял камешек и, как раньше, осторожно бросил в шибу. Опять молчание.

Потянулся к подъезду, но заходить на квартиру не стал: можно повредить делу.

Расхаживая возле дома, о чем только не думал. Может, с отцом чего в цехе произошло? Так нет, уходя с работы, видел его. Наверное, заболела мать, и Лина, как медсестра, сама осталась при ней в больнице. Но в болезнь ни того, ни другого не верилось. Невеста, ну конечно же, задержалась на работе: подвернулось что-то срочное, и вот... На кухне блеснул свет. «Кто-то есть дома»,—подумал Порфирий. Она, кто ж еще? Поднялся на третий этаж. Нажал кнопку звонка, отступил чуть в сторону: вот сейчас подхватит ее на руки и, как договорились, увезет на пятый участок.

В передней послышались шаги, звякнул ключ, и в проеме двери встала мать Лины. Как всегда гладко причесана, в богатом голубом халате до пят.

— Здравствуйте, Августа Бенедиктовна. Извините, я...

Заслонив собою дверь, хозяйка застыла в немой позе.

Молчал и Порфирий. Но вот собрался с мыслями, стал объяснять, что ему надо видеть Лину.

(Продолжение следует.)